

ВИКТОРИЯ СУКОВАТАЯ,

кандидат философских наук, доцент кафедры теории культуры и философии науки Харьковского национального университета им. В.Каразина

Интернет в социальных политиках и массовом сознании: гендерный анализ

Abstract

The author discusses gender policy in the Internet, analyzes periods of cyber-feminism development, reveals differences between cyber-feminism and liberal feminism of the past century. The article shows how the Internet, video-games and high computer technologies affect post-soviet gender identity and the mass consciousness.

Против дефиниций

Либеральный феминизм до 70-х годов XX века репрезентировал себя как теорию, преимущественно делающую акцент на: 1) отрицании эссенциалистской природы гендерных ролей, которые обязывают мужчину и женщину соответствовать в своем поведении гендерным ожиданиям общества; 2) антисексистской, антиглобалистской и антитехнологической пропаганде, противостоянии натиску фаллоцентризма во всех без исключения культурных сферах; 3) объединении женского эмансипаторного активизма в развитые формы женского общественного движения, феминистские академические, артистические и политические практики. Борясь за права женщины в сфере образования, равную оплату труда, профессиональную самореализацию, либеральный феминизм 1960–1970-х годов, тем не менее, оставался в рамках традиционных гендерно-сексуальных дефиниций, в которых “феминное” ассоциировалось с “эмоциональным”, “пассивным”, “телесным”, “природным” началом, в то время как “маскулинное” — с “интеллектуальным”, “активным”, “культурным” и “вербальным”. Принимая существующую дихотомию, либеральные теоретики считали, что это необходимое условие получения доступа к языку культуры и возможности заявить о женских проблемах и требованиях. Другой путь — полный отказ от “участия” в

распределении гендерно-коннотированных ролей — означал женскую культурную “неартикулируемость”. Третьего пути — “ни мира, ни войны”, взаимодействия с традиционными культурными ценностями — не существовало.

Кибер-феминизм явился открытием 90-х годов XX века и сформировался, во-первых, как изначальный вызов, сопротивление представлениям о присущей “женской культуре” технофобии и технологической “некомпетентности” женщин; во-вторых, как отклик на призывы утопического гуманизма эпохи Просвещения о необходимости “возвращения к природе”, в лоне которой, якобы, рождается “добрый человек на доброй земле”.

Кибер-феминизм представляет собой постгуманистический, постмодернистский, постлиберальный проект, который сочетает в единый гибрид “женщину и компьютеры”, “женщину и технологию”, противостоя сциентистским теориям о биоидной сущности женского. Соединение терминов “сайбер” (cyber) и “феминизм” означает принципиально новое понимание феминизма, так как каждая из частей этого слова модифицирует содержание другой. Речь идет о феминизме как международном общественном движении за свободу и женское равноправие, которое, однако, зависит от женского активного участия в глобальной сети, об электронных средствах коммуникации, разработке специфически женских возможностей репрезентации в виртуальных мирах. В качестве *методологии* кибер-феминизма выступает феминистская критика и теория деконструкции; *проблематика* актуализирована развитием электронных медиа и Интернета; *объектом исследования и практикой* выступают локальные и глобальные Интернет-коммуникации. Термин “сайбер”, который означает управление автоматизированными системами и контроль над ними, соединяясь с термином “феминизм”, как бы “*гуманизируется*” и “*антропологизируется*”, акцентируя внимание на экономических, политических, культурных, сексуальных и этических условиях участия женщин в новых виртуальных мирах и создании Нового технологического порядка. Теоретики кибер-феминизма Донна Харавей, Сэди Плент, Анна Бальзамо, Элизабет Гросс считают, что включение концепции кибер-феминизма в панораму современных культурных идей делает актуальной и разработку таких понятий, как “виртуальный гендер”, “кибер-идентичность”, а также “кибер-насилие” в Интернете, противодействию которому посвящены многие западные работы.

Кибер-феминизм стирает традиционные *культурные дефиниции* и биполяризацию в формулах “*мужского*” и “*женского*”. Донна Харавей выдвигает в качестве *базовой* идею природы как “культурной конструкции”. Это означает, что, наряду с человеческими организмами и социосистемами, природа также является своего рода “семиотическим текстом”, доступным для прочтения. В той же степени, что и природа, современные научные отрасли знания, использующие “высокие технологии” — иммунология, медицина, кибернетика, — являются нарративами, идеология которых отражает определенные культурные ценности поколения [1].

Кибер-феминизм как “новая гуманистическая утопия”

Многие кибер-теоретики считают, что использование виртуальных пространств и кибер-технологий является весьма перспективным шагом в развитии женской эмансипации и женского самосознания. Использование

электронных средств связи и возможностей компьютера дает шанс радикально изменить гендерные стереотипы, роли и идентичности, создать новые женские имиджи, языки и виртуальные “номадические” субъективности. Кибер-феминизм стирает границы “женственности”/“мужественности”, вводя в культурный дискурс образы “киборгов” и “кибер-аватар” и утверждая тем самым новые перспективы развития женской индивидуальности как менее фиксированной. “Интернет-утопия” виртуальных миров внедряет в сознание масс идею пространства, свободного от “возраста”, “гендера”, “расы”, имущественного и экономического статуса, физических параметров рождения. Очевидно, что идеи постколониального и антирасистского феминизма являются источниками кибер-идеологии. Отсюда следует, что кибер-феминизм — это не исключительно “игра постмодернистского воображения”. Напротив, в его развитии можно увидеть важное политическое значение; кибер-феминизм может служить средством, способствующим развитию демократии и гендерного равенства в обществе, в то время как отказ от участия в кибер-движении существенно ограничивает эмансипаторные возможности женщин. Несмотря на внешнюю “симулятивность”, “утопичность”, “тинейджерский стиль” кибер-пространства, Интернет сам по себе является амбивалентным феноменом, и не следует отказываться от перспектив его использования в целях утверждения демократии и женского освобождения. Сделать “кибер-пространство” и прилегающую к нему компьютерную территорию более “дружелюбной” и “зостепримной” для женщин и есть задача кибер-феминизма как “женской идеологии” в технологическом обществе. Феминистки пишут о необходимости введения “гендерной цензуры” в Интернете, способной ограничить распространение порнографии, визуального и вербального насилия на сайтах и в электронных рассылках [2]. С этой целью делается анализ программных языков, интерфейсов и программных продуктов в их гендерном аспекте — в какой степени символика виртуальных миров и достижения разработчиков соответствуют принципам “гендерного равенства” и либерализма.

Безусловным достижением кибер-феминизма по отношению к феминизмам предшествующих этапов является чрезвычайно расширенная палитра выборов женской самоидентификации, отсутствующая у либеральных движений прошлых лет. По выражению Питера Уэбла, пребывание в виртуальном пространстве позволяет стирать грань между внешним и внутренним — *между “собой” и “другими”, машиной и человеком, смертью и бессмертием* [3]. “Утопизм” кибер-пространства проявляется в его особом роде “психотичности” (или даже “психоделичности”), размытости границ реального и воображаемого. Однако именно эта размытость картезианских оппозиций (души и разума) позволяет модифицировать и трансгрессировать культурные нормы “мужского” и “женского”, гендерные стереотипы и способы выражения желания. Кибер-пространство тем самым как бы реализует социальные утопии о “мобильном”, “полиморфном”, “децентрализованном”, постоянно изменяющемся (постмодернистском) мире. Компьютерные технологии изменяют сознание масс, создавая в Интернете образы “продвинутых” женщин нового поколения — “гендер-гибридов”, “киборгов”, “феминистских аватар”, обладающих “фрактальной субъективностью” (по Бодрийяру) либо “кочующей идентичностью” (по Делезу и Гваттари).

Еще одним привлекательным моментом компьютерной утопии является то, что все эти бесконечные и динамичные виртуальные миры, порожденные искусственным интеллектом, заключены в микрочип, и их можно игнорировать, выключив микрочип, когда кибер-сюжет неожиданно становится *“травматичным”*. Таким образом, вхождение в кибер-утопию следует коннотировать не только как *“психоделический эскапизм”*, но и как *“психоделическую терапию”*, позволяющую освободить внутренние желания и программы своей личности, объективировать себя в гендерно иной ипостаси и ином хронотопе. Интернет-технологии как бы реализуют древний утопический проект наиболее эзотерических учений (орфических, дионисийских), в которых материальное, физическое тело видится как “тюрьма”, “помеха”, “кокон”, “оболочка”, от которой можно и необходимо избавиться, вступая в пространство свободы. Кибер-феминизм как бы поддерживает идею появления мира, в котором человек станет *бесполом, безрасовым надъиндивидуальным*, то есть всемогущим в своих желаниях, подобно Богу.

И еще один позитивный момент выделают исследователи в кибер-утопиях: они продолжают традиции эко-феминизма, так как выдвигают идею мира как активного субъекта, а не только “ресурса потребления”, как это принято в маскулинистских/марксистских/буржуазных моделях мира.

Так, провоцируя пользователя абсолютным “искусством свободы”, кибер-пространство остается, пожалуй, наиболее реальной и осуществившейся утопией из всех известных в истории.

Киборг как новый культурный герой

Киборг — центральный персонаж кибер-утопии, человек-машина, созданный в ответ на вызов “высоких технологий” конца XX столетия, *соблазн*, воплощающий новый образ желания. С одной стороны, это гибридное состояние, олицетворяющее самые антигуманные фантазии сциентистов и фантастов апокалиптического толка. С другой стороны, он воплощает идеи постчеловеческого измерения, сверх-(над)-природного объединения “человеческого” и “искусственного”. Киборг — это торговая марка биотехнологий, “генной” инженерии, имплантированных органов и искусственно оплодотворения, деконструирующих противопоставление природы и цивилизации.

Особого рода *“инфернальность”* киборга, объединение в едином существе противоречивого и взаимоисключающего делает его особенно привлекательным и эротичным. Часто киборги, во множестве представленные в компьютере и на телеэкране, оказываются более сексапильными, чем героини человеческого происхождения. Одна из видных представительниц кибер-феминизма Анна Бальзамо анализирует киборгов на телеэкране как “технологические репрезентации гендера” эпохи постмодерна [4]. Она считает, что киборги, являясь продуктом индустриальной эпохи, своей символикой уходят глубоко в психическое бессознательное, человеческие страхи и желания. Значение киборгов как “постмодернистской школы” двоякое: киборг — это максимально объективированный *“чужой”*, “друговость” которого позволяет человечеству острее ощутить собственную антропологическую идентичность. С другой стороны, воспринимая и впуская эту “друговость” в собственную культуру, человечество (в частности, пользователи Интерне-

та) учится большей толерантности в восприятии форм жизни, непохожих на повседневные, человеческие. Киборг деконструирует само содержание категории “друговости”, совмещает в себе оппозицию и в “органическом”, и “неорганическом” мире, понимается и как “другой” в пространстве “машин и механизмов” (будучи визуально подобным человеку), и как “*другой*” в человеческой реальности, так как по своим качествам, целям и возможностям превосходит человека. Классическими визуализациями темы киборгов принято считать фильмы “Терминатор” в главной роли с Арнольдом Шварценегером (режиссер Дж.Камерон, 1984) и “Робокоп” (режиссер П.Верховен, 1987). Символизм киборгов в этих фильмах аналогичен символизму супергероев в полицейских боевиках — “безотказных” человеко-машин, воин-роботов, единственной функцией которых является война, убийство. По ходу сюжетов киборги тем более воспринимаются как положительные герои, чем большее количество “человеческих” черт они демонстрируют.

Анна Бальзамо считает, что первые киборги репрезентировались через мужской гендер именно вследствие того, что максимальная, технологическая рациональность в традиционном обществе ассоциируется с маскулинностью. В результате гендерной дихотомизации даже режиссерам, людям с богатой фантазией, трудно было представить робота-женщину. Конструирование гендерно-феминных киборгов развивалось совсем по другой линии, их создатели опирались на традиционные культурные схемы: “женщина – воспроизводительница рода” и “женщина – объект сексуального желания”. Классическими фильмами этого типа являются “Чужой” (1979) и “Чужие” (1986), где фигура женского робота на самом деле является отсылкой к “*матери-машине*”, к принимающему уродливые формы инстинкту воспроизведения, к технологиям “*суррогатного материнства*” и “*искусственного оплодотворения*”. Необходимость уничтожения женских киборгов, в отличие от мужских, в кинофантазиях мотивируется даже не столько “чужеродностью” объектов, их нежеланием “антропологизироваться”, сколько тем самым неостановимым инстинктом воспроизводства.

Другой мотив — эротизация женщины-киборга — представлен в еще одном популярном фильме “Пятый элемент”, где главная героиня искусственного происхождения воплощает “*совершенную женщину*”. Однако, на мой взгляд, ее “совершенство” авторами и героями фильма (согласно сюжету) понимается как особая *ранимость, наивность, незащищенность, зависимость* и неспособность долго говорить и анализировать ситуации. Героиня (в исполнении Милы Йовович) действует по интуиции, несмотря на “неорганическое” прошлое, и в конце фильма полностью совпадает с традиционным гендерным пониманием феминности. Если Робокоп воплощает гендерно-маскулинный типаж, то “*Современная искусственная женщина*” (почти “*Резиновая женщина*”) оттесняется к полюсу максимальной феминности, требуемой в культуре.

Очевидно, что наиболее популярные киборги, в зависимости от назначенного им пола, воспроизводят *гендерные стереотипы* ролевого поведения, закамуфлированные технологическими эффектами. На мой взгляд, несколько иными на этом фоне выглядят фильмы последних лет “Джонни-мнемоник” или “Матрица”, цель которых — попытка анализа законов жизни самого кибер-пространства как особого мира. В отличие от фильмов, названных ранее, в этих сюжетах применен другой прием — герои-мужчины

могут несколько феминизироваться, в то время как женские особи — маскулинизироваться. Кибер-гибридизация оказывается следствием андрогинности, а чистая, откровенная феминность оказывается “опасной” и “деструктивной” (“блондинка в красном платье” из учебной программы в фильме “Матрица”).

Приведенные примеры из известных фильмов, использовавших образы киборгов и виртуальной реальности, подтверждают тезис Донны Харавей о том, что киборг всегда является “социальной конструкцией”, смещением социальной реальности и фантазий [5]. Образы киборгов, как и образы “традиционной женственности”, пропускаются через “симулятивную культурную мифологию”, прежде чем проникнуть в массовое сознание, на телеэкраны и в фильмы.

Киборги, глобальные сети и кибер-феминизм

Как кибер-феминизм реагирует на это и каким образом феминизм может использовать символику киборгов в целях женской эмансипации?

По Харавей, киборг — это и “текстуальная машина”, и гибрид “технологии и биологии”, оппозиция ко всем социальным движениям, науке и технологии, человеческому и искусственному, ко всем бинарным конструктам одновременно.

Однако наш собственный анализ показывает, что доминирующая политическая идеология очень быстро начинает использовать в собственных целях любые новые средства деконструкции, лишая их “демократического” и “освобождающего” потенциала. На наш взгляд, только кибер-феминизм, избегнувший социокультурной цензуры, способен действительно выражать интересы и ценности женщин в виртуальном пространстве и глобальной сети. Именно кибер-феминизм может сохранить творческий и демократический характер женских ценностей при переносе их из виртуальной действительности в социальную и внедрении в массовое сознание. Несмотря на то, что Интернет и компьютерные технологии находятся в самом начале своего становления и, следовательно, распределения властных влияний, анализ кибер-визуализаций показывает, что глубоко сексистское культурное сообщество обуславливает традиционно сексистскую стереотипизацию киборгов, их функций, их гендерных ролей и гендерных (сексуальных) архетипов. Политическое значение кибер-феминизма заключается в том, что:

- с одной стороны, он помогает деконструировать гендерные стереотипы и преубеждения прошлого;
- с другой стороны, являя собой новый этап в развитии феминизма, он предоставляет новые основания для саморазвития и освобождения женщин, препятствует стереотипизации и иерархизации женских образов в глобальных сетях, распространению в Интернете, а также компьютерных классах, лабораториях, сообществах мизогенических, расистских, милитаристских практик.

Такие исследователи, как Розы Брайдогги и Фойт Вилдинг, замечают, что Интернет-утопия в качестве “свободного”, амбивалентного пространства вовсе не является “гендерно отсутствующей” или “гендерно нейтральной” утопией. Это означает, что виртуальное пространство доступно “колониализации” без различий физического тела, пола, возраста, расы и класса. На

наш взгляд, это позволяет сопоставить виртуальное пространство с утопией “открытого общества” (в концепции К.Поппера) или “номадического общества” (в концепции Р.Брайдотти). Так, виртуальное пространство дает шанс изменить “застывающую” идентичность, увеличить возможности выбора — образования, друзей, работы, общения, увлечений, повысить самооценку, политическую активность и самопознание, однако использовать этот шанс женщины должны сами; кибер-феминизм — это средство, позволяющее сделать жизнь и женское окружение более комфортными и безопасными в новых социальных условиях глобальных технологий.

Первое направление в активности кибер-феминизма в западных странах — “глобальный феминизм” — насчитывает уже более десяти лет и связано с деятельностью, направленной на установление транснациональных, интернациональных контактов между женскими и феминистскими группами разных стран и континентов посредством Интернета. Кибер-феминистки в своей практике выступают инициаторами объединения и оптимизации проектов, направленных на повышение уровня образования, свободы, солидарности женщин, улучшение их взаимопонимания и сопротивление сексизму в различных средах. “Глобальный феминизм” базируется на постколониальной и антирасистской этике, использует возможности “гендерной цензуры” в Интернете, выступает с инициативами проведения антипорнографических кампаний в Интернете. Теоретики этого направления — Роза Брайдотти, Сэди Плент, Шила Сэндован — справедливо связывают развитие Интернета с политическим подходом к масс-медиа и демократическими преобразованиями в сообществе, критикой патриархата не только в реальном, но и в виртуальном обществе.

К представительницам второго направления — “образовательного”, или “эпистемологического”, кибер-феминизма — следует отнести Черри Крамаре, Сандру Хардинг, Донну Харавей, Кристиан Флорд, основной сферой интересов которых является “социальный” уровень Интернета. Кибер-феминизм в этом случае используется как авангардная научная или учебная методология, стирающая традиционные деформации “научности” и вводящая в качестве приемов “письма”, научного стиля иронию, игру слов, парадокс, восхищение и цитатность. То есть все те приметы постмодернистского дискурса, которые уже давно получили “право на жительство” в философских и литературных текстах, однако никогда не использовались в научных, естественно-научных жанрах. Например, Донна Харавей анализирует тексты биологии, приматологии, зоологии, используя по отношению к ним постколониальную и антирасистскую критику. Она квалифицирует якобы “объективное” (“беспристрастное”) научное знание как “биополитические нарративы”, которые внедряют идеи биологического детерминизма по отношению к социальным системам и используют авторитет науки для укрепления властных иерархий в обществе [1]. Харавей так же, как и Сандра Хардинг и другие представительницы “политического” кибер-феминизма, показывает, что “объективизм” — это только метафора, скрывающая индивидуально (маскулинно) приемлемую или неприемлемую идеологию (эпистемологию). Харавей считает, что биологизация социальных отношений способствует сохранению гендерного и расового неравенства, в то время как деконструкция фаллологического центра может производиться именно через внутренние пути идей кибер-феминизма в сознание масс.

Известный теоретик Сандра Хардинг исследует парадигмы научного знания, синтезируя в своих подходах идеи Томаса Куна, Мишеля Фуко и кибер-феминизма. Хардинг утверждает, что, с точки зрения развития феминистской эпистемологии и “женского сопротивления” патриархату в сознании и образовании, традиционные типы “производства знания” являются маскулинными и продолжают общекультурные политики женской дискриминации [6]. Превращаясь в “культурные нарративы”, теории Мальтуса, Дарвина, Фрейда мифологизируют гендерные отношения в обществе, репрезентируя их эссенциалистский характер. По утверждению кибер-теоретиков, инсталляция дарвинизма и фрейдизма в социальные науки и общий культурный дискурс особенно активно проводилась во второй половине XX века в ответ на потребности капиталистического общества — контролировать тело субъекта при помощи технологий. Этологические и психоаналитические теории несут значительный вред для самосознания женщины как полноценной личности. Кибер-феминистки замечают, что нельзя буквально образом экстраполировать принципы поведения животных на развитие человеческого общества и личности. Люди любят наблюдать за животными, видя в них “зеркало себя”, особенно в отношении секса и репродукции, и обосновывая животным происхождением неизбежность агрессии, конкуренции и иерархии. Однако компьютерные, виртуальные и биотехнологии, способные трансформировать тело и сознание, наглядным образом демонстрируют, что человек гораздо меньше зависит от природы, чем было принято думать в доиндустриальный период. Кибер-теоретики считают, что проводить параллели между поведением животных и социальными отношениями, экспериментальной физиологией и культурной антропологией, экологией среды и ментальной гигиеной и непродуктивно, и неправомерно. Донна Харавей приводит характерный пример “околонаучной фикции”, широко растиражированной в культурных мифах. Почему, задается она вопросом, “материнский инстинкт” принято считать обусловленным биологически, в то время как “отцовский” — социально? Не является ли это продуктом гендерной дискриминации, причем в отношении обоих полов? Причем дискриминирующим можно считать сам факт “навязывания” *всему полу* “единой” роли и “единой” формы отношения, ожидаемых обществом.

Американские и скандинавские исследовательницы гендерных аспектов глобальных сетей фокусируют свое внимание на образовательных возможностях Интернета для женщин, внедрении дистанционного обучения для женщин всех возрастов, на борьбе с насилием и сексизмом в Интернете, а также на гендерном содержании компьютерного дизайна. Компьютерная среда, языки и продукты программирования представляют собой очень сложный комплекс идей, методов и форм взаимодействия человека и машины. И так как чаще создателями программ и инженерами являются мужчины, то и языки, визуальные символы и программный интерфейс они разрабатывают исходя из своих, *мужских* потребностей и в расчете на пользователей-мужчин. Таким образом, распределение власти и влияния начинается на стадии подготовки коммуникаций и вступления в диалог с машиной. “Безличность”, “безучастность” и “безындивидуальность” большинства программ являются вовсе не достоинством инженерии “высоких технологий”, а попыткой замаскировать “маскулинный” характер программных продуктов их якобы гендерной амбивалентностью. Кристиан Флойд ссыла-

ется на “скандинавский проект” *“соучаствующего дизайна”* (“participatory design”) [7]. “Соучаствующий дизайн” заключается в том, что при разработке той или иной версии программы, языка, интерфейса пользователь как бы “держится в уме”, а за точку отсчета принимается не удобство разработчика и исполняемость программы, а субъект электронной коммуникации. Многие фирмы в Скандинавии поощряют сотрудничество между инженерами и потенциальными потребителями, учитывают не только технологические, но и морально-психологические, эстетические, гендерные потребности пользователей. Ряд кибер-исследовательниц обращают внимание на гендерные аспекты распределения времени работы за компьютерами в учебных аудиториях, на приоритетность обучения мальчиков и юношей и ориентации девушек в большей степени на категорию пользователей, чем разработчиков. Вместе с тем Интернет предоставляет широкие возможности замены старых образовательных методов более современными тренинговыми программами, которые могут быть основаны на *“гендерной эмпатии”* к пользователям. В западных университетах в настоящее время используется пересылка обучающих материалов электронной почтой, проведение форумов, виртуальных дискуссий и конференций, индивидуальных консультаций и т.п. “Высокие технологии” рассматриваются как средство, при помощи которого женщины и девушки смогут инсталлировать свой жизненный опыт, индивидуальность и субъективность в общую культурную панораму, не отказываясь от своей феминной сути, не прибегая к маскулинистскому компьютерному жаргону и не игнорируя свою *“отличность”* от мужчин-пользователей и мужчин-программистов [8].

Третье направление кибер-феминизма сосредоточено на исследованиях проявлений женской субъективности и телесности в Интернете, радикальных трансформациях гендер-образов и возможностях компьютерного дизайна. Анна Бальзамо, Никола Никсон, Мери Энн Дуан, Дженни Валларк развивают идеи французского психоаналитического и постмодернистского феминизма на материале кибер-технологий и женских репрезентаций в Интернете. Анна Бальзамо показывает, что противоречия в постмодернистской теории субъективности, а также противоречащие представления о характере женской индивидуальности периода ранних работ Симоны де Бовуар и теорий Бодрийяра и Джеймисона 90-х годов XX века требуют дальнейшего переосмысления и поиска точек соприкосновения. Часто феминистки этого направления рассматривают наиболее радикальные формы гендерных репрезентаций в кибер-пространстве — “тело как письмо”, “бионическое тело”, “кибер-панк”, “кибер-секс”, “телесознание” и др. Связанные с этой теорией и практикой технологических изменений телесности, сексуальности и идентичности тесно смыкаются с квир-теорией, понимающей гендер и человеческую сексуальность чрезвычайно широко: от феминного и маскулинного до транс-, би-, гомосексуальности и т.п. Например, Доналд Мортон считает, что квир-исследования являются оппозицией по отношению и к гей-, и к лесбиан-исследованиям; это наиболее современная форма понимания безграничных возможностей репрезентации гендера, идеальным пространством для которого служит виртуальная реальность (говоря иными словами, виртуальная утопия) [9]. Никола Никсон считает кибер-панк чрезвычайно важной концепцией в развитии женской субъективности в виртуальном пространстве, одной из типичных (про)-феминистских

практик в Интернете. Феминистский кибер-панк деконструирует образ маскулинного героя кибер-пространства (кибер-ковбоя, мачо, киборга-терминатора, робокопа) в его феминные ипостаси. Эти феминные ипостаси, в соответствии с желаниями пользовательницы, могут принимать как традиционные в культуре образы, так и совершенно экстравагантные [10]. Концептуально наиболее простыми являются образы “добрых вампири”, “демонических фей” или “ангелов-воительниц”. На следующий уровень можно поставить гендер-проекты, в которых пол и сексуальность героини/героя трудно определимы, являются смешанными, переходными или трансформируются; в ряде случаев эти образы навеяны произведениями радикальных феминистских фантастов — Урсулы Ле Гуин, Джоанны Русс, Вильяма Гибсона. Кроме того, героиня/герой нередко репрезентируют себя в интернальных образах архаических богинь или безличных сил, чей гендер/пол децентрирован и полиморфен.

Существует особое ответвление исследований, соединяющее в себе теорию и практику и называемое “киборг-этнографией” (Анна Бальзамо, Николас Никсон, Сюзан Сулейман). На наш взгляд, его можно было бы определить как “кибер-герменевтику”. Теоретики “киборг-этнографии” исследуют фундаментальные основы интерпретации киборгов, гендера, тела, письма, антропологичности в Интернете как культурных знаков и культурных текстов. Например, Анна Бальзамо вводит термин “киборг-космология” [4], показывая тем самым происхождение “героев” кибер-пространства от мифологических сюжетов и архетипов. Интересной в культурологическом плане является апелляция “кибер-этнографов” к женским образам “запрещенных религий”, которые якобы несут в себе силу нерепрессированного, абсолютного женского начала.

Кибер-феминизм в Украине и постсоветском пространстве: утопия равенства?

Все достижения западных кибер-теоретиков и кибер-практиков по-прежнему остаются недоступными постсоветской женской аудитории. Развитие женского движения и самосознания в Украине коррелирует с западными практиками с точностью до наоборот. Женские организации в Украине часто до сих пор избегают использовать собственно слово “феминизм” в самоназваниях и программных документах. Западные профессионалки, исследовательницы, студентки широко обращаются к Интернету в самых разных ситуациях: от академических и рабочих до сугубо бытовых (вроде покупки авиабилетов или поиска подходящей дискотеки на уик-энд). Необходимость освоения компьютера и внедрение электронных технологий в производственный процесс до сих пор вызывают страх и неудовлетворение у значительной части работающих женщин в Украине. В украинских университетах компьютерные классы используются с неполной нагрузкой, нередко держатся под замком, курсы и обучающие программы плохо разработаны. Пожалуй, наиболее популярной формой общения с компьютером остаются игры и фильмы на дисках. Платные (частные) Интернет-клубы часто превращаются в исключительно “мужскую” территорию, где, просматривая Интернет или сражаясь в видеоиграх, мальчишки и мужчины “до 40”, подобно болельщикам на стадионе, насыщают атмосферу таким потоком руга-

тельств и жаргонных словечек, что явственно *дают женщине понять*, что *“здесь” не ее место*. Кроме того, местные (украинские, российские) провайдеры и “хозяева” популярных сайтов почти без ограничений пропускают мизогеническую или порнографическую рекламу, назойливые баннеры, создавая у среднестатистической пользовательницы впечатление о киберпространстве как о крайне *“негостеприимном”* и даже опасном. На рабочих местах обычно приоритет в использовании компьютера отдается мужчинам, так как их “задания” традиционно оцениваются как более весомые и первоочередные. Более того, если западные женщины среднего класса обеспечены компьютерами на рабочих местах и активно используют ноутбуки в своей повседневной жизни, то в постсоветской реальности экономической нестабильности — низких зарплат и высоких цен, нехватки свободного времени и традиционной ответственности женщин за все семейные дела — компьютер оценивается как предмет, связанный с высоким уровнем материального достатка и социального статуса, а то и просто “привилегия досуга”. Интернет, компьютерный интерфейс, программные пакеты, по преимуществу англоязычные, также требуют определенного образовательного уровня от пользовательниц, что для многих из них означает дополнительные затраты денег и времени на прохождение специальных курсов. Если западные активистки и теоретики выступают против распространения насилия и порнографии в Интернете, то в условиях постсоветской действительности, еще не “отошедшей” от насилия общего, тоталитарного и страдающей от властного постсоветского произвола — в экономике, в политике, в средствах массовой информации, *“насилие”* понимается только как прямая угроза жизни и сексуальные домогательства физического порядка (в то время как на Западе существует классификация “непристойных действий” не только физического, но и эмоционального, и вербального характера). Откровенно сексистская реклама легко проникает в электронные масс-медиа, часто не вызывая возмущения ни у женской, ни у, тем более, мужской части населения. Различия в гендерных ожиданиях в постсоветском обществе по-прежнему столь существенны, по сравнению с западными обществами, что в большинстве случаев участие женщины/девочки в Интернет-коммуникации или кибер-модификациях является морально проблематичным: в обществе отсутствуют *“культурные легитимации”* женской *“потребности”* в компьютере. Проблема состоит в том, что, в отличие от западного общества, в постсоветском компьютере, соответственно, “вхождение в Интернет” оцениваются не просто как *“экономическая привилегия”*, но как исключительно *“мужская”* привилегия. Хорошее владение компьютером и знание Интернета со стороны женщины вызывает у многих такое же недоумение и недоверие, как “женщина за рулем”, “женщина-хирург”, “женщина-директор” и т.п. Более того, девушки, активно путешествующие по Интернету, получающие удовольствие от модификаций “себя”, своего окружения или ищущие единомышленниц в сети, в отличие от западных коллег, вынуждены маскировать свою заинтересованность профессиональными нуждами (чтобы избежать подразумеваемых обществом обвинений в *“неженственности”*, маскулинности).

Ситуацию дополняет тот факт, что если в технических вузах (или на соответствующих факультетах) компьютер все-таки используется, то для представительниц гуманитарного профиля компьютерная грамотность яв-

ляется вопросом самообразования. Престижные лица и колледжи вводят курсы по компьютерному обучению школьников, однако средние общеобразовательные школы обеспечены компьютерами в значительно меньшей степени. Интернет-время чрезвычайно дорого в Украине, и участие в “чатах”, “форумах”, “Интернет-переписке” предполагает либо использование рабочего компьютера и Интернет-времени, либо действительно более высокий материальный статус, позволяющий тратить деньги на “предмет не первой необходимости”.

В библиотеках университетов практически не представлены книги по кибер-феминизму, компьютерные журналы “бегут” от этой темы, как от огня, а собственно гендерные издания до сих пор “не разобрались” с либеральным феминизмом “второй волны” и его актуальностью для постсоветского общества. Поэтому сложные теоретические концепции “кибер-квир” и “электронного тела” расцениваются пока как “слишком крутые” для широкой аудитории, представляющие интерес скорее для интеллектуальной элиты и профессиональных философов.

Означает ли это, что кибер-феминизм не востребован в пространстве пост-Союза? На наш взгляд, во-первых, СССР слишком долго сохранял “островное положение” страны за “железным занавесом”, не только политическим, но и технологическим. Последствия этого ощущаются в настоящий момент — не только в плане цивилизованных технологий, но и что касается их моральной легитимации в обществе.

Во-вторых, постсоветское (украинское или российское) общество в массе гораздо более образованно, чем это принято думать. Патриархатные идеи ортодоксальной морали (“Домостроя”), русской религиозной философии, “великой русской литературы” продолжают существовать в массовом сознании, по крайней мере, в виде осколков, мифов, идеологии, воспоминаний о “*былом, которого не было*”. Отсюда — более выраженная, чем на Западе, *патриархатность сознания*, консервирование натуралистических утопий и биологизация социальных ролей, что означает: “женщинам — природу, мужчинам — компьютеры!”. Можно ли представить Настасью Филипповну Достоевского или Татьяну Ларину Пушкина за компьютером, в исследовании кибер-пространства и модификаций идентичности? А ведь Татьяна до сих пор представляется в большинстве школ, в женских журналах и в “беседах о культуре” как идеал славянской женщины — без учета разницы в эпохах и социальных статусах, а также разницы мужской и женской точек зрения на идеал. (Идеалом Татьяна была для Пушкина и своего мужа — генерала; а по собственному заявлению Татьяны, ее личная жизнь “не сложилась”, она вышла замуж за “нелюбимого” и “будет век ему верна”.)

Еще один аспект внедрения кибер-феминизма в постсоветскую действительность и использования ее в эмансипаторных целях состоит в том, что для этого необходимо осознание самими женщинами себя как “специфического класса граждан” и своих проблем как “специфически женских”, требующих решения отдельно от нужд науки, государства, экономики, мужей и отцов. Согласно западной либеральной традиции, развитая демократия характеризуется “мультикультурализмом”, что означает признание права всех *различных* групп граждан на *равные*, хотя и *отличные* в культурном и социальном планах возможности самореализации [11]. Западные демократии и западные женские движения немало потрудились в XX веке для леги-

тимации культурных прав различных групп лиц, и в частности женщин: *работающих, разведенных, с физическими недостатками, лесбиянок, профессионалок, студенток, беременных, пенсионерок* и т.д. В современном украинском обществе наиболее явными и влиятельными остаются только две ипостаси женщины: “женщина-мать” (традиционно) и “сексапильная красotka”. Все остальные социальные, профессиональные, возрастные категории женщин обычно выпадают из фокуса внимания масс-медиа, госдепартаментов и исследователей. Соответственно, ни компьютер, ни кибер-феминизм не ассоциируется ни с одним из этих двух женских современных “логотипов”. Однако легитимация в массовом сознании позитивного (*демонического? авангардного? сексапильного? загадочного? модного?*) образа “образованной женщины”, “интеллектуалки”, “высокооплачиваемой и высококомпетентной профессионалки” будет означать, что кибер-феминистские дискуссии перестанут быть привилегией узкого круга теоретиков, и тысячи постсоветских (украинских) девушек и женщин войдут в “Интернет-утопию”, не боясь получить статус “синего чулка”. Другое дело, что легитимация такого образа идет вразрез с патриархатной консервативной идеологией и требует как целенаправленной государственной политики, так и скоординированной активности самих женских партий и организаций, введение гендерной цензуры по отношению к рекламе и просветительских курсов в школах и университетах. Можно предположить, что с расширением сотрудничества с западными партнерами на всех уровнях общества Интернет, электронные средства связи и компьютеры будут все глубже проникать в украинскую действительность, стимулируя тем самым интерес и к кибер-феминизму и другим женским, профеминистским практикам участия в Интернете.

И последнее: несомненно, общее повышение материального уровня жизни постсоветских граждан естественным образом позволит превратить компьютер и Интернет из “предметов роскоши” в необходимые и “обычные” средства среды обитания.

Отсюда следует, что развитие идей кибер-феминизма и их распространение в постсоветском обществе вовсе не являются бесполезными и напрасными. Высокий уровень европейского демократического самосознания был выпестован десятилетиями практик “говорения о свободе” — сначала гуманизмом Возрождения, потом французской политической философией, либеральными концепциями Гоббса, иронией Вольтера, революционными лозунгами Просвещения, институтом омбудсмена и принятием Декларации прав человека и гражданина. Увы, этого не было в украинской (и российской) истории! На фоне этих богатейших интеллектуальных практик для Запада кибер-феминизм — это “еще одна” попытка приблизить человека “к Богу”, сделать его сотворцом собственной свободы и гармонии (при этом мы понимаем под “человеком” женщину). Кибер-феминизм, деконструирующий бинарные оппозиции научного, культурного и повседневного сознания, является мощным орудием демократии, артикулируя проблемы, оставшиеся от дискуссий прошлого, и фокусируя внимание на новых возможностях общественного и женского движений. Анализ социально-культурной ситуации в постсоветских государствах позволяет обнаружить общность с проблемами развивающихся стран, освободившихся от колониальной зависимости и пребывающих в поисках собственного пути построения “откры-

того общества”. Поэтому “говорение” о кибер-феминизме и “внедрение” его в обществе, которое еще не вполне рассталось с тоталитарным “детством” и мечтами о “твердой руке”, следует рассматривать как “еще одну” силу, расшатывающую посттоталитарные амбиции, а потому — как дискурс, “обучающий свободе”.

Литература

1. *Haraway D.J.* Simians, Cyborgs and Women. — N.Y., 1995.
2. *Schuler D., Namioka A. (eds.)*. Participatory Design: Principles and Practices. — S.I., 1999.
3. *Weibl P.* Virtual Worlds: The Emperor's New Body // *Ars Electronica*. — 1990. — Vol. 2.
4. *Balsamo A.* Reading Cyborg Writing Feminism // *Cybersexualities. A Reader on Feminist Theory, Cyborgs and Cyberspace* // Ed. by J.Wolmark. — Edinburg, 1999.
5. *Haraway D.A.* Manifesto for Cyborgs: Science, Technology and Socialist Feminism in the 1980 // *Coming to Terms*. — N.Y.; L., 1989.
6. *Harding S.* Feminism and Methodology. — Bloomington; Indianapolis, 1987.
7. *Floyd C.* Outline a Paradigm Change in Software Engineering // *Computers and Democracy*. — Aldershot, 1987.
8. *Kramarae Ch.* Technology Policy, Gender, and Cyberspace. — www.Law.duke.edu/journals.
9. См.: *Morton D.* Birth of the Cybergueer // *Cybersexualities. A Reader on Feminist Theory, Cyborgs and Cyberspace*. — Edinburg, 1999.
10. *Nixon N.* Cyberpunk // *Cybersexualities. A Reader on Feminist Theory, Cyborgs and Cyberspace*. — Edinburg, 1999.
11. См.: *Kymlicka W.N.* Multicultural Citizenship. — Oxford, 1995.